

– распределение собственности по принципу местничества – чем выше место вассала в системе политической иерархии, тем большей собственностью он обладает;

– усиление тенденций автономизации и децентрализации, обусловленных сочетанием политической власти и собственности. При этом вассал начинает воспринимать себя в качестве «регионального государя». Чем более он автономен от «великого государя», тем в меньшей степени он зависит от него. В подобных условиях снижается эффективность централизованного управления, что приводит к ослаблению единого централизованного государства и обуславливает кризис системы управления;

– появление центра активности, направленной на разрушение существующей системы управления;

– разрушение ранее существовавшей системы управления и начало формирования новой системы. При этом за основу берется принцип отрицания позитивной значимости опыта, накопленного в предшествующий период. Предшествующая история объявляется «неправильной», поскольку «правильной» является только новейшая, вновь создаваемая очередным государем история. По сути, данный этап является завершением предшествующего и началом следующего цикла политической (государственной) истории.

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ категория А (фундаментальные исследования) «Государственно-правовые системы современного мира» № 20-011-00794 А.

РЕФОРМА РОССИЙСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И АДАПТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ НАД ОШИБКАМИ

О.Е. Блинков

26 ноября 2021 года для российского цивилистического сообщества будет знаменательный день, поскольку исполнится двадцать лет с момента принятия части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) федеральным законом от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ, установившим с 1 марта 2002 года новый российский наследственный порядок.

В отличие от первой, второй и четвертой частей ГК РФ, которые многократно подвергались изменениям, часть третья, несмотря на столь внушительный срок своего действия, оказалась в целом более стабильной. Причины этого заключались не столько в качестве законодательной техники, сколько в большей преемственности норм современного российского

наследственного права сложившимся положениям советской цивилистической доктрины и законотворческому опыту советского государства.

Сравнивая характер новелл во всех четырех частях ГК РФ, сложно было назвать введенный российский наследственный правопорядок чем-то революционным, несмотря на кардинальное расширение круга наследников по закону и форм (видов) завещаний. Основные принципы наследственного права остались неизменны, а то, что в специальной литературе или диссертационных исследованиях называли новеллами наследственного права, на самом деле лишь нашло кодифицированное закрепление, но уже было известно доктрине, нотариальной и судебной практике.

В последующие годы принципиальным для развития российского наследственного права стали изменения, связанные с введением в действие с 1 января 2008 года части четвертой ГК РФ, которой завершилась последняя кодификация российского гражданского законодательства, и которой был установлен новый правопорядок в сфере интеллектуальных прав. Федеральным законом от 18 декабря 2006 года № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» абзац первый п. 1 ст. 1119 ГК РФ был изложен в следующей редакции: «1. Завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, включить в завещание иные распоряжения. Завещатель вправе отменить или изменить совершенное завещание в соответствии с правилами статьи 1130 настоящего Кодекса.» (ст. 31). Ст. 1119 ГК РФ, устанавливающая одновременно свободу завещания и ее пределы, ранее указывала, что завещатель вправе по своему усмотрению включить в завещание иные (помимо завещания имущества любым лицам, определения долей в наследстве или лишения наследства) распоряжения, но только если они предусмотрены правилами ГК о наследовании (т.е. разделом пятым «Наследственное право» части третьей). Следовательно, раздел пятый «Наследственное право» ГК РФ хотя и не прямо, но точно (в разных статьях и нормах) устанавливал закрытый перечень завещательных распоряжений. В четвертой же части ГК РФ содержалась норма, согласно которой автор имеет право в порядке, предусмотренном для назначения исполнителя завещания (по правилам ст. 1134 ГК РФ), указать лицо, на которое он возлагает охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после своей смерти, которое осуществляет свои полномочия пожизненно (абз. 1 п. 2 ст. 1267 ГК РФ). Для легализации данного завещательного распоряжения и понадобилось свободу завещания расширить с пределов раздела пятого ГК РФ до границ ГК РФ в целом. Однако подобная поправка носила характер полумеры и с точки зрения законотворческой перспективы выглядела неэкономной, поскольку в

будущем, если бы какое-либо новое завещательное распоряжение получило правовое регулирование в прочем федеральном законе, опять потребовалось бы расширять пределы свободы до случаев, предусмотренных законом.

Анализ первых поправок, в том числе несостоявшихся, которые не имели существенного значения (пожалуй, кроме только включения двух государственных (а в последующем и города федерального значения Севастополя) и всех муниципальных образований в круг наследников по закону), казалось бы, позволял сделать вывод об эффективности норм раздела пятого «Наследственное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако это умозаключение уже тогда представлялось достаточно поверхностным, поскольку обращение к ряду диссертационных исследований (отбросив научную предвзятость, которая, к сожалению, стала признаком российской юридической науки) и анализ тех проблем, которые в них подняты и решены, в том числе, посредством законотворческих предложений, позволяло говорить, что раздел пятый «Наследственное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации нуждается в совершенствовании. О том, что «неладно что-то в датском государстве», свидетельствовал и объем Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», который стал в полтора раза больше собственно самого раздела V «Наследственное право» части третьей ГК РФ.

1 октября 2015 года Федеральная нотариальная палата совместно с совместно с Российским государственным университетом правосудия (РГУП) провела научно-практическую конференцию на тему «Направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании». Название конференции вселяло надежду, что собравшиеся «видные эксперты научного сообщества, правоведы, представители судейского корпуса и нотариальной палаты»¹ будут обсуждать именно направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании, будут говорить, что пятнадцатилетний срок действия нового российского наследственного закона в условиях практически заканчивающейся рекодификации российского гражданского права ставит необходимым вопрос и рекодификации ее немаловажной подотрасли наследственного права. Однако...

Однако основным лейтмотивом конференции стали, к сожалению, не направления и перспективы развития российского законодательства о наследовании, а критика внесенного в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)»

¹ См.: Реформа наследственного права требует взвешенного подхода // Нотариальный вестник плюс. Приложение к научно-практическому журналу «Нотариальный вестник». 2015, октябрь. – С. 4.

(далее – Проект), который, наряду с иными кардинальными изменениями в части оформления наследственных прав, предложил ряд новелл, касающихся расширения форм реализации воли завещателя (совместные завещания и наследственный договор) и возможности учреждения гражданином фонда, по сути являющегося наследственным трастом.

Проект получил отрицательные отзывы от ряда (!) научных и профессиональных сообществ, в том числе, на нулевых чтениях в Общественной палате Российской Федерации и заседании Научно-консультативного совета Федеральной нотариальной палаты. Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на заседании 13 июля 2015 г. также не одобрил Проект, отметив концептуальную необоснованность представленного законопроекта. Такой широкий негативный «резонанс», казалось бы, создал впечатление, что буквально все против Проекта, однако, если присмотреться, критики в этой палитре научных и профессиональных сообществ – одни и те же лица!

При единодушии критиков, удивляло то, что их контраргументы зачастую противоречили друг другу, поскольку одни свое негативное отношение строили на абсолютизации принципа обеспечения прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных наследников, а другие – на противном ему принципе – свободы завещания.

Например, Н.Ю. Рассказова утверждала, что «введение наследственного договора и совместного завещания супругов не поможет достичь одной из основных целей, которую преследует законодатель, – обеспечить эффективное в экономическом смысле использование наследуемого имущества. И без внедрения в российскую систему отдельных элементов трастовых отношений не обойтись»¹. Что вкладывала Н.Ю. Рассказова в понятие «эффективное в экономическом смысле использование наследуемого имущества» из цитируемого обзора конференции понять было сложно, однако главные возражения сводились к следующему: «меня несколько не интересует эффективность использования имущества после моей смерти, меня заботит только то, к кому и в каком порядке оно перейдет». Наследственный договор, совместное завещание супругов и так называемый «наследственный траст» – стали для российской наследственно-правовой действительности правовыми средствами, преследующими совершенно различные цели.

Наследственный договор стал альтернативой пожизненной ренте, в том числе пожизненному содержанию с иждивением, при которой наследодатель сохраняет свое право собственности на имущество вплоть до своей смерти. При этом в отличие от ренты конструкция наследственного договора учитывает правила ГК РФ об обязательной доле.

¹ См.: Реформа наследственного права требует взвешенного подхода // Нотариальный вестник плюс. Приложение к научно-практическому журналу «Нотариальный вестник». 2015, октябрь. – С. 4–5.

Правилам об обязательной доле не грозит и совместное завещание, которое в первую очередь, касается общего имущества супругов. Совместная собственность потому и называется совместной, поскольку имущество как для супругов, так и посторонних лиц, представляется цельным, нераздельным. В угоду апологетам принципа свободы завещания, ГК РФ содержит норму, что совершение совместного завещания супругов не лишает каждого из них права составления последующего личного завещания, однако в случае последующего совершения завещания одним из супругов их совместное содействие утрачивает свою силу. Таким образом, с одной стороны, совместное завещание супругов не ограничивает свободу завещания, с другой стороны, возможностью одностороннего прекращения совместного акта волеизъявления ценность этой завещательной конструкции нивелируется.

На мой взгляд, заимствованная из Германского гражданского уложения конструкция совместного завещания супругов и адаптированная в российском законе с правилом, что в случае последующего совершения завещания одним из супругов их совместное содействие утрачивает свою силу, противоречит конституции совместного завещания. Совершая совместное завещание, супруги обоюдно связывают свою волю, ведь если бы они не хотели обуславливать действительность (зависимость) своей воли волей другого супруга, они выбрали бы одностороннее (личное) завещание. В этом вся суть – связать себя и своего супруга общим актом волеизъявления без возможности беспричинной (необоснованной) отмены совместного акта по воле одного из них. Если вы боитесь последствий такого акта, если вы не хотите связывать свою волю волей вашего супруга, не совершайте совместного завещания! Если же вы имеете интерес ограничить волю своего супруга на случай его смерти, то в свою очередь, в качестве «встречного предоставления» (некой компенсации), вы добровольно ограничиваете свою волю на случай вашей смерти. Мне кажется, для совместного завещания супругов абсолютно релевантны правила ГК РФ о договоре, ведь основу совместного завещания составляет соглашение супругов (иначе утрачивается совместность и такое завещание становится документом, содержащим самостоятельные друг от друга волеизъявления супругов), поэтому, как изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или договором, так и совместное завещание супругов должно изменяться или отменяться по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или совместным завещанием. Подобной формулировкой мы создаем возможность формулирования гарантий для супругов, совершивших совместное завещание, для одностороннего изменения или отмены данного совместного акта.

И напротив, наследственный траст (фонд) преследует цель вывода имущества из наследственной массы, равно как и притворные договоры купли-продажи или действительные договоры дарения, которые заключают

наследодатели в преддверие своей смерти с целью исключения возможных споров между своими наследниками. Нарушается ли здесь принцип обеспечения прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных наследников? De facto – да, de jure – нет, поскольку обязательная доля выделяется из наследства, а его у покойного и не оказывается, поскольку бывшее имущество покойного загодя перешло к тем лицам, к которым он благоволил. Поэтому противники наследственного траста должны были быть принципиальны до конца и ратовать за запрет нашим гражданам отчуждать свое имущество каким-либо способом с момента приобретения их эвентуальными наследниками статуса обязательных.

Наследственный договор в российском правопорядке также существенно отличается от законодательных образцов зарубежных государств, где он был апробирован в течение продолжительного времени. И поскольку российское гражданское право относится к германской ветви континентальной системы права, то именно опыт прогерманских стран мог стать для нас ориентиром в решении проблем, возникающих при имплементации новых наследственно-правовых конструкций в российский наследственный правопорядок.

КЛЕВЕТА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ

Э.Г. Аниськина

Ключевые слова: клевета, состав преступления, квалификация, способ, дифференциация уголовной ответственности.

Защита чести и достоинства человека гарантированы Конституциями многих стран мира, не являются исключениями Россия и Беларусь. Так, в ч.1 ст. 21 Конституции РФ отмечается «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Конституция Республики Беларусь в ст.25 также указывает: «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности». И далее в ст.28: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство». Таким образом, достоинство человека определено в качестве одной из важнейших ценностей обоих государств. Но вот уголовная политика, реализующаяся через такую форму как правотворчество, несколько отличается у исследуемых стран.

Так, если в Беларуси мы наблюдаем тенденцию к частичной декриминализации клеветы с одновременной криминализацией отдельных ее видов и унификации уголовной ответственности за клевету. То в России, наоборот, наблюдается пенализация и дифференциация за отдельные виды